

Париж не стоит и плевка для Вальки из Мухосранска

Как же я люблю великолепный местечковый снобизм! (семь восклицательных знаков)

Вот приедет какой-нибудь маленький-маленький Царь даже и не Горы, а так, Мусорной Свалки, в столицу (любую) и давай удивляться: а чего это здесь дома не позолочены, а улицы не обиты соболиными коврами? Да у него, мол, в сортире на даче — и то наряднее! (Сортир, правда, по привычке — на улице, зато с подогревом, лепниной, хохломой, обдувом жопы и стереосистемой.)

И женщины. Женщины некрасивые.

[...]

Сегодня все самые некрасивые женщины переехали в Берлин. Тут все закономерно: и Берлин сам - некрасивый и скучный город, и бабы в нем гадкие. Ходят в каких-то джинсах, шапках и ветровках. И ни блесок от них не дождешься, ни прически «а я вся такая и шо?!».

Обожаю это. Люди не успевают разобраться, как устроена жизнь в других местах, но тут же сравнивают ее со своими мухосранскими гнездами.

[...]

Самая потрясающая, завораживающая и восхитительная женщина, которую я видела в своей жизни, парижанка Селена, была одета в обычную белую футболку и обычные серые джинсы. Все это смотрелось на ней так, что можно было идти на день рождения к Елизавете II.

«Немки некрасивые». А кто вас, ребята, спрашивал? Кому интересно ваше мнение?

[...]

Нормальная берлинская девушка выглядит так, будто передумала идти на вечеринку, а потом ее все-таки уговорили, и она лениво и без вдохновения собралась за десять минут. Рваные колготки, рваные же шорты, куртка — перфект, богзнаетчто на голове. И в этой небрежности — смысл этого города. Расслабленного, хиппового и такого, где ты можешь быть кем угодно — и никто тебя не осудит.

Царь Мусорной Кучи всего этого не поймет. Девушка должна быть молодая, вещи — новые и короткие, лицо — восторженно-угодливое.

Еще большие гурманы, выросшие на колбасе из использованной туалетной бумаги, любят критиковать национальную кухню. «В Израиле нечего есть». «В Португалии нет кухни».

[...]

Критики не понимают чужой язык, чужую культуру — и не для этого они здесь. Не для понимания. Им не интересно изнутри, им хочется, чтобы только снаружи, чтобы все вокруг сверкало, чтобы угодливые продавцы заискивали по-русски и чтобы в ресторанах подавали борщ с устрицами и фуа-гра. И все это по мановению пятисотевровой купюры, которую им никогда никто не разменяет.

[...]

Я бы хотела на них очень сильно злиться, но толком не получается, потому что мы все-таки единое целое, мы все продукт одной страны, где мир по другую сторону вроде бы и не существовал, и он был сказочным Застеньем, он был мечтой, которая вряд ли осуществится.

Мы же все помним, что количество йогуртов и сортов шоколада в первые годы путешествий удивляло больше, чем Лувр или Мюнхенская Пинакотекка. Унизительно? Безусловно. Только люди-то не виноваты, что их достоинство столько лет втапывали в пыль.

Но, честно, если еще раз услышу о некрасивых англичанках или невкусной португальской еде — прокляну, и будете потом всю жизнь давиться копченой курицей из ларька. И запивать коньяком «Московский», положив руку на коленку Мизулиной (если это не будет противозаконно к тому времени).

Все люди красивые. Все города стоят поездки. Вся еда вкусная (кроме копченой курицы, которую нарочно придумали гастрономисты, чтобы сокращать популяцию бездомных). Все языки изящные. Главное — увидеть это и услышать. Для этого надо приложить усилия. Но только в самом начале. А потом вдруг сразу перестанет быть *скучно*. Ну или сидите там у себя в Жопонамудянске и слизываете запеченный майонез с мяса «по-французски».

Zdroj:

<https://snob.ru/selected/entry/75905>

